Армянские народные сказки

Сердце девы

Некогда в царстве восточном цвела
Юная дева, резва, весела,
Краше всех сверстниц красою лица,
Радость и гордость вельможи-отца.
Только, знать, сердцу не писан закон:
В дочь властелина безродный влюблен:
Дева любовью ответной горит;
«Он — мой избранник», — отцу говорит, —
«Он, не другой —
Суженый мой!»
Крикнул вельможа: «Тому не бывать!
Легче мне в землю тебя закопать!
Нищего зятем назвать не хочу,
В крепкую башню тебя заточу».
Камень, скала он... Что страсти скала?
Юноше дева тем боле мила,
Нежностью пылкой невеста горит:
«Он — мой желанный», — отцу говорит, —
«Он, не другой —
Суженый мой!»
Деспот угрюмей, чем хмурая ночь,
В тесную башню сажает он дочь:
«С милым в разлуке, вдали от людей,
Блажь с нее схлынет. Остынет он к ней.. »
Нет для любви ни стен, ни замка;
Лишь распаляет желанье тоска,
Страстью дева в затворе горит;
«Он — мой любимый, — отцу говорит, —
«Он, не другой —
Суженый мой!»
Дух самовластный осенила тьма;
Сводит гордыня владыку с ума:
Башню, где клад свой ревниво берег,
Мстящей рукою безумец поджег...
Что для любви, что жарче тюрьма?
Ярым пожаром пылает сама!
Узница в душной темнице горит,
Клятвы обета, сгорая, творит:
«Он, не другой —
Суженый мой!»
Грозная башня сгорела дотла;
В пепел истлела, что прежде цвела.
Только — о, чуда безвестного дар! —
Сердца живого не тронул пожар...
Стелется горький с пожарища дым;

Юноша плачет над пеплом седым.
Плакал он долго; застыла печаль;
В путь поманила далекая даль...
«Он, не другой —
Суженый мой!»
Нежная тайна! Под хладной золой
Что содрогнется, — не сердце ль, — порой?
Жаркое сердце в огне спасено;
Только под пеплом сокрыто оно.
Сердца живого из дремлющих сил, —
Словно из корня, что ключ оросил
Слез изобильных, — в таинственный срок
Вырос прекрасный и легкий цветок:
Огненный мак;
Глубь его — мрак...
По чужедальним блуждает краям
Юноша, цели не ведая сам,
Вкруг озираясь, — любимая где?
Милой не видит нигде и нигде!
В грезах о нежной склоняет главу;
Но безнадежность одна наяву.
Верной любви и смерть не конец;
Чувства не гасит небесный венец.
В оный предел
Вздох долетел...
Стон долетел к ней и тронул ее,
Тень покидает жилище свое,
К милому сходит, тоскуя, во сне,
Благоуханной подобна весне,
Молвит: «Внемли, мой печальник, завет!
Вырос над пеплом моим алоцвет.
Девы сожженной он сердце таит.
Жизнью моею тебя упоит.
В соке огня
Выпей меня!
Неги медвяной, разымчивых чар
Хмель чудотворный, целительный дар
Выжми и выпей пчелой из цветка:
Черная душу покинет тоска,
Так ты спасешься, избудешь печаль.
Смоет земное волшебная даль;
Не увядают ее красоты;
Мир и блаженство изведаешь ты —
В тонкой дали
Лучшей земли!..»
Нежная тайна, ты сердцу мила!

Стала скитальца душа весела.
Соком заветным навек опьянен,
Волен, беспечен и мужествен он.
В смене вседневной воскреснет тоска, —
Радость за нею, как рай, глубока.
Прежнее бремя его не долит,
Прежнее пламя его не палит, —
В тонкой дали
Лучшей земли...